

*Моему отцу, который научил меня мечтать.
Моей матери, которая научила меня делать.
Моей сестре, которая поддерживала меня
на всем пути*

Ритуал Чистоты уже сегодня.

Тревожная мысль кружится в голове, я спешу к сараю, запахивая плотнее плащ, чтобы защититься от холода. Сейчас раннее утро, солнце еще даже не показалось над припорошенными снегом макушками деревьев вокруг нашего маленького фермерского домика. В темноте сгущаются тени, обступают слабенький круг света моей лампы. Под кожей нарастает зловещее покалывание. Как будто рядом что-то есть, и вот-вот краем глаза...

Я просто нервничаю, говорю я себе. Я много раз чувствовала это покалывание и ни разу не видела ничего странного.

Дверь сарая открыта, на столбе висит фонарь. Отец уже внутри, расстилает сено. Он — просто силуэт в темноте, сторбленный высокий человек. Всего три месяца назад он был бодрым и крепким, его светлые волосы еще не тронула седина. А потом пришла красная оспа, от которой слегли и он, и мать. Теперь он сутулый и увядший, глаза его слезятся, а волосы поредели, как у человека на несколько десятилетий старше.

— Уже проснулась, — тихо говорит он, скользнув по мне взглядом серых глаз.

— Не могу больше спать, — отвечаю я, хватая доильное ведро, и направляюсь к Норле, нашей самой большой корове.

Я должна отдыхать в уединении, как остальные девушки, что готовятся к Ритуалу, но на ферме слишком много работы, а рук не хватает. С тех самых пор, как три месяца назад умерла мать. К глазам подступают слезы, я их смаргиваю.

Отец подкладывает в стойла еще сена.

— Благословен тот, кто пробуждается узреть славу Безграничного Отца, — цитирует он Безграничные Мудрости. — Что ж, готова к сегодняшнему дню?

Я киваю:

— Готова.

Позже, после полудня, во время Ритуала Чистоты старейшина Дуркас проверит меня и остальных девушек шестнадцати лет. Как только мы докажем, что чисты, то станем законными жителями деревни. Я наконец стану женщиной — той, кто может выйти замуж, обзавестись собственной семьей.

Мысль вызывает новую волну тревоги.

Я краем глаза бросаю на отца взгляд. Он напряжен, движения даются ему с трудом. Он тоже волнуется.

— Мне тут пришло в голову, отец... — начинаю я. — Что, если... что, если...

Я осекаюсь, незаконченный вопрос тяжело повисает в тишине. Полумрак сарая затапливает невыразимым ужасом.

Отец одаривает меня ободряющей, как ему кажется, улыбкой, но уголки его рта кривятся.

— Что, если что? — спрашивает отец. — Поделись со мной, Дека.

— Что, если моя кровь нечиста? — шепчу я, страшные слова рвутся наружу стремительным потоком. — Что, если меня заберут жрецы, изгонят?

Я вижу это в кошмарах, страхи пронизывают и другие сны тоже, где я посреди темного океана, и меня зовет голос матери.

— Об этом ты тревожишься?

Я киваю.

И хотя такое случается редко, каждый знает о чьей-то сестре или родственнице, в которой обнаружили нечистое. В последний раз это стряслось в Ирфуте несколько десятилетий назад — с кузиной отца. В деревне до сих пор шепчутся о том дне, когда ее поволокли прочь жрецы, и больше несчастную никто не видел. Семья отца так и не оправилась от брошенной на них тени.

Вот почему они всегда так святы — всегда первые у дверей храма, и все мои тетушки в масках, скрывающих даже рот. Безграничные Мудрости предостерегают: «Лишь нечистая, богохульная, порочная женщина остается открыта пред глазами Ой́мо», но это относится только к верхней половине лица, от лба до кончика носа. Мои тетушки, однако, даже на глазах носят маленькие квадратики прозрачной ткани.

Когда отец вернулся с военной службы и привез с собой мать, вся семья немедленно от него отрекалась. Слишком великий риск — принять женщину неизвестной чистоты, к тому же чужачку.

Потом родилась я — дитя достаточно темнокожее, чтобы считаться полной южанкой, но с серыми глазами отца, ямочкой на подбородке и мягкими завитками волос, говорящих обратное.

Я прожила в Ирфуте всю жизнь, и во мне все еще видят чужачку — пялятся, тычут пальцем, отвергают. Даже в храм бы не пустили, если бы кто-то из родни отца не настоял. Пусть лицом я точь-в-точь отец, этого недостаточно. Деревне нужно меня проверить, и лишь тогда они, как и семья отца, меня примут. Как только моя кровь окажется чиста, я наконец стану своей.

Отец подходит, ободряет меня улыбкой.

— Ты знаешь, что такое быть чистой, Дека? — спрашивает он.

Я отвечаю отрывком из Безграничных Мудростей:

— Блаженны кроткие и покорные, смиренные и истинные дщери человеческие, ибо незапятнаны они пред ликом Отца Безграничного.

Каждая девочка знает эти слова наизусть. Мы повторяем их всякий раз, как входим в храм, — постоянное напоминание, что женщины созданы помогать мужчинам, подчиняться их желаниям и приказам.

Я киваю:

— Думаю, да.

В глазах отца мелькает неуверенность, но он снова улыбается и целует меня в лоб.

— Тогда все будет хорошо.

Он возвращается к сену. Я сажусь рядом с Норлой, тревога все не дает мне покоя. В конце концов, я похожа на мать еще кое-чем, и отец этого не знает — а деревня и подавно, иначе возненавидят сильнее во сто крат.

Я непременно должна сохранить все в тайне. В деревне никто не должен узнать.

Никогда.

Когда я добираюсь до деревенской площади, все еще стоит раннее утро. Легкий холодок в воздухе, с крыш домов свисают сосульки. А солнце все равно яркое, лучи его отражаются от высоких арочных колонн Храма Ойомо. Они олицетворяют молитву, медитацию на движение солнца Ойомо по небосклону каждый день. По ним верховные жрецы определяют, в какие два дня года проводить весенний и зимний Ритуалы. Один вид этих колонн вызывает во мне очередную волну тревоги.

— Дека! Дека! — взволнованно машет с другой стороны дороги знакомая неуклюжая фигура.

Ко мне спешит Эльфрида, так плотно закутанная в плащ, что видны лишь ярко-зеленые глаза. Мы обе всег-

да стараемся закрывать лица, когда выходим на площадь — я из-за цвета кожи, Эльфрида из-за красноватого родимого пятна на левой щеке. Девушкам разрешается оставаться открытыми до тех пор, пока они не пройдут Ритуал, но нет смысла привлекать к себе внимание, особенно в такой день.

Этим утром крошечная мощеная площадь Ирфута заполнена сотнями людей, и каждую минуту прибывают новые телеги. Они едут со всей Отёры: надменные южане с почти черной кожей и туго завитыми волосами; добродушные жители запада с длинными черными конскими хвостами и татуировками по всей золотистой коже; бесстыжие северяне, розовощекие, со сверкающими на морозе светлыми волосами; и тихие жители востока всех оттенков, от темно-коричневого до цвета яичной скорлупы, их прямые и шелковистые черные волосы струятся по плечам блестящими реками.

Пусть до Ирфута не так-то просто добраться, он славится хорошенькими девушками, и мужчины съезжаются издалека посмотреть на достойных, прежде чем те наденут маску. Многие девушки сегодня найдут себе мужей — если еще этого не сделали.

— Разве не здорово, Дека? — хихикает Эльфрида.

Она указывает на площадь, нынче по случаю празднично украшенную. Двери всех домов, где живут достойные девушки, выкрашены красным, в окнах весело развеваются флаги, у каждого входа горят яркие фонари. Есть даже танцоры в масках и на ходулях и огнеглотатели. Они бродят в толпе, оттягивая внимание от торговцев, продающих мешочки жареных орехов, копченые куринные ножки и засахаренные яблоки.

При виде всего этого меня пронизывает радостное волнение.

— Здорово, — отвечаю я с веселой улыбкой, а Эльфрида уже тащит меня за собой.

— Скорей, скорей! — подгоняет она, проносясь мимо толпы гостей, и многие, остановившись, неодобрительно хмурятся из-за отсутствия рядом с нами родственников-мужчин.

В большинстве деревень женщины не могут покинуть дом без сопровождения мужчины. Ирфут, однако, невелик, и мужчин очень не хватает. Слишком многие ушли на воинскую службу, как мой отец, когда был моложе. Некоторые даже пережили обучение и стали *джáту*, избранной стражей императора. Замечаю их по краям площади, настороженных, в сверкающих красных доспехах.

Сегодня их, по меньшей мере, двенадцать, куда больше, чем обычные два-три, которых столица присылает на зимний Ритуал. Может, это правда, о чем люди шептались: в этом году через границу прорвалось больше смертовизгов.

Эти чудовища веками осаждают южную границу Отеры, но за последние несколько лет они стали гораздо агрессивней. Обычно они нападают ближе ко дню Ритуала, разрушают деревни, пытаются украсть нечистых девушек. Ходят слухи, что нечистота делает девушек много вкуснее...

К счастью, Ирфут лежит в отдаленной части севера, в окружении заснеженных гор и непроходимых лесов. Смертовизги никогда не найдут сюда дорогу.

Эльфрида не замечает моих размышлений, она слишком занята — улыбается воинам-джату.

— Ну, разве они не красавцы в этом алом? Слышала, их только призвали, и сейчас они объезжают провинции. Как чудесно, что император прислал их нам к Ритуалу!

— Наверное... — бормочу я.

На самом деле я еще никогда не видела в день Ритуала столько джату. Обычно их один или два, а тут не меньше пятнадцати. Может, и правда, что люди шепчут-

ся: дела на южной границе все хуже, император пытается завлечь больше новобранцев.

У Эльфриды урчит в животе.

— Ну, быстрее, Дека! — подгоняет она и тащит, тащит меня за собой. — Еще чуть-чуть, и в пекарне будет не протолкнуться.

Она тянет меня так сильно, что я спотыкаюсь, налетаю на что-то большое и твердое.

— Прошу прощения, — выдыхаю, подняв взгляд.

На меня сверху вниз смотрит приезжий, растянув губы в хищной ухмылке.

— Что же это, еще одна сладкая крошка? — подступает он ближе.

Я тут же отшатываюсь на шаг. Как же я так сглупила? Мужчины из других деревень не привыкли видеть женщин без сопровождения и могут предположить самое ужасное.

— Простите, я должна идти, — шепчу я, а он хватает меня, прежде чем я успеваю отскочить, пальцы жадно тянутся к пуговице, что скрепляет верх моего плаща.

— Ну не надо так, крохотка. Будь хорошей девочкой, сними-ка плащ, дай нам посмотреть, зачем мы сюда... — Широкие руки отрывают его от меня, не давая закончить фразу.

Я поворачиваюсь; на мужчину сверху вниз пристально смотрит Ионас, старший сын старейшины Олама, деревенского главы, и на его лице нет ни следа его обычной легкой улыбки.

— Если хочешь в бордель, то он дальше по дороге, в твоём городе, — произносит Ионас, сверкая голубыми глазами. — Тебе, быть может, лучше вернуться туда.

Одной разницы в их росте достаточно, чтобы мужчина заколебался. Пусть Ионас и считается самым красивым юношей нашей деревни, с его-то светлыми волоса-

ми и ямочками на щеках, он еще и среди самых крупных, массивный, как бык, и такой же грозный.

Пришелец с раздражением сплевывает на землю.

— Не кипятись, мальчик. Я всего лишь малость пошутил. Она ж даже не северянка, ради всего святого.

От неприятного напоминания в моем теле напрягается каждый мускул. Какой бы я ни была тихой, безобидной, темная кожа — вечная метка моей принадлежности к южанам, ненавистным племенам, которые давным-давно завоевали северяне, вынудили его стать частью Единого царства, ныне известного как Отера. Мне поможет лишь Ритуал Чистоты.

Пожалуйста, пусть я чиста, пусть я чиста, возношу я маленькую молитву Ойомо.

Я плотнее кутаюсь в плащ, желая провалиться сквозь землю, но Ионас шагает к приезжему еще ближе, и его глаза воинственно пылают.

— Дека родилась и выросла здесь, как и все мы, — рычит он. — Ты больше к ней не притронешься.

Я таращусь на Ионаса, потрясенная неожиданной защитой. Пришлый фыркает.

— Как уже сказал, я просто пошутил. — И бросает друзьям: — Пошли лучше выпьем.

Они с ворчанием удаляются. Ионас поворачивается ко мне и Эльфриде.

— Все в порядке? — спрашивает он с тревогой на лице.

— Да. Просто немного испугалась, — выдавливаю я.

— Но не пострадала. — Теперь его взгляд устремлен на меня, такой искренний, что мне стоит невероятных усилий не съежиться от стыда.

— Нет, — качаю я головой.

Ионас кивает.

— Приношу извинения за случившееся. Мужчины порой как звери, особенно если рядом девушка, столь хорошенькая, как ты.

Девушка, столь хорошенькая, как ты...

Слова бьют в голову, как крепкий хмель, я даже не сразу понимаю, что Ионас продолжает.

— Куда направляетесь? — спрашивает он.

— В пекарню, — отвечает Эльфрида, поскольку я никак не обрету дар речи.

Она кивает на маленькую уютную постройку через дорогу от нас.

— Я понаблюдаю отсюда, — говорит Ионас. — Чтобы вас никто не обидел.

И снова устремляет взгляд на меня.

Мои щеки пылают все горячеей.

— Благодарю, — шепчу я и спешу в пекарню.

Эльфрида хихикает.

Верный слову Ионас всю дорогу не сводит с меня глаз.

В крошечной пекарне уже целая толпа, как Эльфрида и предупреждала. Маски поблескивают в тусклом свете, женщины повсюду, и они покупают нежнейшие розовые пирожные чистоты и огромное количество хлебцев в форме солнца в честь события. Обычно маски просты, они сделаны из тончайших деревянных пластин или пергамента и наудачу разрисованы молитвенными символами. Однако в праздничные дни, подобные этому, женщины надевают самые затейливые, сделанные в виде солнца, луны или звезд, с геометрической точностью украшенные золотом или серебром. Ойомо — бог не только солнца, но и математики, и большинство жен-